

А кроме того, я – нигилист!

Рензо Новаторе

1920

Оглавление

I.	3
II.	3
III.	3
IV.	4
V.	4
VI.	4

I.

Я индивидуалист, потому что я анархист, и я анархист, потому что я нигилист. Впрочем, нигилизм я тоже понимаю по-своему...

Мне наплевать, считать ли его нордическим или ориентальным, как и восходит ли он к некоей традиции – будь то исторической или политической, равно как и философской, духовной или интеллектуальной. Я называю себя нигилистом, потому что я знаю, что нигилизм означает отрицание.

Отрицание всякого общества, всякого культа, всякой власти и всякой религии. Однако я не уповаю на нирвану, как и не цепляюсь за отчаянный и беспомощный пессимизм Шопенгауэра, ибо нахожу его даже худшим, чем воинственное отрицание самой жизни. Мой пессимизм – восторженный и дионисийский, подобно жару, раздуваемому пламя моего радостного возбуждения и поднимающему на смех любые теоретические, научные и моральные казематы.

И если я называю себя анархо-индивидуалистом, иконоборцем и нигилистом, то лишь потому, что я верю, что в этих эпитетах находит своё высочайшее и наиболее полное выражение моя своенравная и безрассудная индивидуальность, которая, подобно выходящей из берегов реке, стремится расширяться, безудержно сметая плотины и преграды, пока не ударится о гранитный валун, омывая его сотрясающим и бурным потоком. Я не отвергаю жизнь. Я восхваляю и воспеваю её.

II.

Всякого, кто отвергает жизнь на том основании, что она есть лишь боль и тоска, не находя в себе героической твёрдости, чтобы покончить с собой, я считаю несуразным позёром и конченным человеком; точно так же я считаю достойными презрения тех ущербных, что в своих фантазиях уподобляют священное дерево счастья лиане, на которой – в более или менее отдалённом будущем – будут резвиться всевозможные обезьяны, и считают, что ослепительные фейерверки истинного Господа изгонят даже тень всякой боли.

III.

На мой вкус, жизнь ни хороша, ни плоха, она – не теория и не идея. Жизнь – это реальность, а реальность жизни – война. Для рождённого воином жизнь – фонтан радости, для всех прочих она – лишь фонтан унижения и тоски. Я более не требую от жизни беззаботного наслаждения. Она не смогла бы мне его подарить, да и я бы не знал, что с ним делать теперь, когда юношеские годы мои позади...

Вместо этого я прошу, чтобы она даровала мне порочную радость сражения, что пробуждает во мне скорбные спазмы разгрома и сладострастный трепет победы.

Не важно, втоптан ли в грязь или купаюсь в лучах триумфа, я воспеваю жизнь и признаюсь ей в любви!

Мой бунтарский дух не находит покоя нигде, кроме как на войне, и нет большего счастья для моего блуждающего, своевольного ума, чем безудержное утверждение моей открытости жизни и ликование. В каждом моём поражении мне слышится лишь оркестровая прелюдия к новой победе.

IV.

С того дня, как я появился на свет – благодаря чистой случайности, на которую не считаю нужным сейчас отвлекаться, – я нёс в себе своё личное Благо и своё личное Зло.

Смысл: моё ликование и моя печаль, ещё в зародыше. Оба они сопровождали меня на дороге судьбы. Чем острее я переживал моменты триумфа, тем глубже я понимал печаль. Нельзя подавить одно, не подавив при этом другого.

И вот я сокрушил врата и постиг тайну Сфинкса. Радость и печаль – лишь два хмельных напитка, которыми жизнь напивается допьяна. Оттого и неверно, что жизнь подобна никчёмной и пугающей пустоши, где уже не бушуют цветы и не наливаются алым плоды.

И даже самая могущественная из всех печалей, та, что вынуждает сильного человека сознательно и трагически сокрушить свою индивидуальность, есть лишь неистовая манифестация искусства и красоты.

И снова всё возвращается к космическому человеческому потоку, с его слепящими преступными лучами, сокрушающими и сметающими любую кристаллизованную реальность разлинованного мира большинства, дабы взмыть к финальному идеальному пламени и рассеяться в бесконечном огне новизны.

V.

Бунт свободного против печали есть лишь интимное и страстное влечение к более яркой и насыщенной радости. Но столь сильная радость может явиться ему лишь в зеркале глубочайшей печали, сливаясь с ней позже в невероятном варварском объятии. И из того невероятного и плодотворного объятия произрастает более возвышенная улыбка сильного, когда, в пылу сражения, он возносит жизни самый громогласный гимн.

Гимн, сотканный из презрения и насмешки, из воли и могущества. Гимн, что вибрирует и бьётся в свете солнца, сияющего над могильными камнями, гимн, воскрешающий ничто и наполняющий его звуком.

VI.

Над сократовской рабской ментальностью, стоически принимающей смерть, и диогеновским свободным духом, цинично принимающим жизнь, возвышается триумфальная радуга, на которой пляшет кощунственный ниспровергатель новоявлен-

ных фантомов, радикальный истребитель всех этических миров. Свободен тот, кто танцует на высоте, окружённый величественным сиянием солнца.

А когда из мглистых расщелин вздымаются необъятные тучи угрюмой тьмы, чтобы закрыть собой свет и встать у него на пути, он пробивает дорогу выстрелами из своего браунинга или закрывает им ход огнём своей деспотичной фантазии, вынуждая их пасть к его ногам, как смиренные рабы.

Но лишь тот, кто знает и практикует иконоборческий гнев разрушения, может открыть для себя упоение, рождённое свободой, той самобытной свободой, что удобряется печалью. Я восстаю против реальности внешнего мира ради триумфа реальности того мира, что внутри меня.

Я отвергаю общество ради триумфа своего «Я». Отвергаю незыблемость всякой власти, всякой традиции и всякой морали ради утверждения всякого неутомимого инстинкта, всякого свободного выражения чувств, всякой страсти и всякой фантазии. Я насмехаюсь над всяким долгом и любыми правами, дабы я мог воспевать свободную волю.

Я презираю будущее, чтобы упиваться радостью и сносить страдания уже сегодня. Я смотрю на человечество сверху вниз, ибо это не моё человечество. Я ненавижу тиранов и питаю отвращение к рабам. Я не стремлюсь к солидарности и ей не одариваю, ибо я убеждён, что она суть ещё одна цепь, и разделяю точку зрения Ибсена, что сильнее всех тот, кто более всех одинок.

Таков мой Нигилизм. По мне, жизнь есть не что иное, как героическая ода радости и порочности, написанная окровавленными руками печали и боли, или трагическая мечта об искусстве и красоте!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рензо Новаторе
А кроме того, я – нигилист!
1920

Скопировано 28.02.2020 с
<https://zubynapolku.info/texts/renzo-novatore.html>
Из сборника “Nichilismo”, 1920

ru.theanarchistlibrary.org